

Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102).
Political Linguistics. 2023. No 6 (102).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-1
ББК Ш105.51+Ш33(2Рос=Рус)64-45

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55; 17.82.32

Код ВАК 5.9.5; 5.9.8

Наталья Александровна Купина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, SPIN-код: 7646-8339, natalia_kupina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

Поэзия многострадального Донбасса: верность русскому слову

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются материалы опубликованного в 2023 году сборника «Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014—2022 гг.». Целевая установка исследования — выявление и интерпретация речевых средств, служащих для обоснования лингвоидеологического сопротивления носителей русской культуры в период восьмилетней войны. Процедуры категориально-текстового, лингвосмыслового, лингвоидеологического анализа позволили охарактеризовать поэзию Донбасса как особый сверхтекст, объединенный категориями темы, хронотопа и образа автора. В ходе анализа выделены прямые и метафорические сигналы сквозной темы войны, борьбы за независимость; описаны способы формирования лишенной художественной условности категории хронотопа; отмечено, что фактографичность художественного времени и пространства позволяют отнести сверхтекст донбасской поэзии к «литературе свидетельства». Установлено, что образ коллективного автора сверхтекста формируется на основе общей стратегии, предполагающей вербализацию гражданской, идеологической, лингвистической, эстетической позиций. Идентификатор **русский поэт** в смысловой структуре целого приобретает смысл: «Продолжающий традиции русской литературы стихотворец, ставший на защиту независимости родной земли, отстаивающий правовой статус русского языка». Специальный предмет анализа — смысловая и функциональная нагрузка ключевых номинаций базовых коммуникативных ценностей **русский язык, родная речь, русское слово**, ставших на Украине контридеологемами. Подчеркнуто, что поэт находится в поисках **главного слова** — острого, правдивого, мобилизующего, заряженного энергией любви, слова, обнаруживающего свою силу в отобранных прецедентных единицах национального культурного фонда (паремиях, цитатах из произведений классической литературы, песенных текстов). Проведенный функционально-центрический анализ использованных в сверхтексте по типу вкрапленных фонетических, грамматических, лексических украинизмов, а также украиноязычных бытовых реплик, суждений и установок позволил сформулировать вывод о том, что лингвоидеологическое сопротивление русскоязычных граждан Донбасса, их борьба за право использования родного языка органически сочетается с идеей сохранения исторически сложившегося русско-украинского билингвизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: живое слово, лингвоидеологическое сопротивление, поэзия Донбасса, прецедентная единица, родной язык, русофобия, русско-украинский билингвизм, сверхтекст, поэтическое творчество, поэтические сборники, стихотворения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; email: natalia_kupina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Купина, Н. А. Поэзия многострадального Донбасса: верность русскому слову / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 20-27.

Nataliya A. Kupina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, SPIN: 7646-8339, natalia_kupina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

Poetry of the Long-Suffering Donbass: Loyalty to the Russian Word

ABSTRACT. The article analyzes the collection of poems “The Great Checkpoint. An Anthology of 2014-2022 Donbass poetry”. The aim of the study is to identify and interpret the verbal means that serve to substantiate the linguo-ideological resistance of the Russian culture representatives during the eight-year war. The procedures of categorial-textual, linguo-semantic, and linguo-ideological analysis made it possible to characterize the poetry of Donbass as a specific super-text, united by the categories of theme, chronotope, and the image of the author. Direct and metaphorical signals of the cross-cutting theme of the war and the struggle for independence are distinguished in the course of the analysis. The author describes the methods of formation of the category of the chronotope, devoid of artistic convention, and argues that the factographic nature of the fiction time and space allows the researcher to refer the super-text of Donbass poetry to the “literature of evidence”. The image of the collective author of the super-text is found out to be formed on the basis of a general strategy, which involves the verbalization of the civil, ideological, linguistic, and aesthetic position. The marker “Russian poet” in the semantic structure of the whole text acquires the following meaning: “a poet who continues the traditions of the Russian literature, defending the independence of his native land and the legal status of the Russian language”. The special object of analysis of this study is the semantic and functional load of the key nominations of the basic communicative values “Russian language”, “native speech”, “Russian word”, which have become counter-ideologemes in Ukraine. It is emphasized that the poet is in search of the main word — a sharp, truthful, mobilizing word, charged with the energy of love and demonstrating its strength in the selected precedent units of the national cultural fund (proverbs, quotations from classical literature, and song lyrics). The functional analysis of the phonetic, grammatical, and lexical borrowings from Ukrainian included in the super-text, as well as Ukrainian every-

© Купина Н. А., 2023

day remarks, judgments and values, led to the conclusion that the linguo-ideological resistance of the Russian-speaking citizens of Donbass, their struggle for the right to use their native language is organically combined with the idea of preserving the historically justified Russian-Ukrainian bilingualism on their territory.

KEYWORDS: living word, linguo-ideological resistance, Donbass poetry, precedent unit, native language, Russophobia, Russian-Ukrainian bilingualism, super-text, poetic creative activity, collections of poems, poems.

AUTHOR'S INFORMATION: Kupina Nataliya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kupina N. A. (2023). Poetry of the Long-Suffering Donbass: Loyalty to the Russian Word. In *Political Linguistics*. No 6 (102), pp. 20-27. (In Russ.).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В 2023 году вышел в свет сборник «Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014—2022 гг.». Стихи коренных жителей Донбасса и россиян, поддерживающих выбор ДНР и ЛНР, добровольцев, военных корреспондентов объединены в единый сверхтекст категориями темы, хронотопа и образа автора.

Сквозная тема войны, борьбы за независимость родной земли поддерживается военной лексикой, занимающей сильные позиции в смысловой структуре сверхтекста. Преобладает тематическое слово *война*: *В город пришла война*¹ (с. 124); *Временная война* (с. 87); *Война* (с. 400); *Продолжается война* (с. 299); *От войны с разрухой мысли набекрень* (с. 303); *Война случилась с нами* (с. 401); *Ты все боишься, что война* (с. 354); *Выйду на улицу, будто и нет войны* (с. 357). «Модальность кажимости» (термин Н. Д. Арутюновой) не подавляет суровой реальности. Война становится повседневностью: *Стихи о военной Горловке* (с. 79); *Поселок был под ВСУ* (с. 316); *Мы со школы знали что делать, если на нас повалятся бомбы* (с. 145). Отдельные лингвоспецифические номинации акцентируют ставшее привычным военное положение. Например: *Три ВОГа* (ВОГ — выстрел одиночный гранатометный — с. 419).

В функции тематических слов выступают существительные лица с общим значением «Защитники Донбасса»: *Русские солдаты — лучшие из людей* (с. 367); *Ты не спишь, и солдаты не спят на посту* (с. 245); *Офицер в Изюме мне говорил такое <...>* (с. 366); *Генерал* (с. 232). Ср. также: *ПОЗЫВНОЙ ПОЭТ* (с. 371); *Резервист ЛНР Саня* (с. 407); *Снайпер ДНР* (с. 408). В приведенных примерах сигналы сквозной темы войны передаются языковыми лексическими единицами в прямых значениях.

В сильных позициях сверхтекста употребляется метафора *Ангел(ы)* — «ключевое

слово русского менталитета», глубинный смысл которого отражает «представления о мире русской души» [Сковородников 1993: 272] и душевных страданиях дончан. Метафора символизирует несправедливость, жестокость, бесчеловечность восьмилетней войны, невинными жертвами которой становятся дети: *Ангелы* (291); *Под крылом у Ангела* (с. 374); *Ангелы Донбасса* (с. 149). Вечную память об убиенных (в язык вошло сочетание *Долина Ангелов*) символизирует прописная буква. Метафора *Ангелы Донбасса* выступает как «одно из средств политической борьбы» [Чудинов 2020: 141], мотивирует непреклонность политического сопротивления.

Целостность сверхтекста поддерживает категория хронотопа, речевое воплощение которой лишено художественной условности. Содержание включенных в «Антологию» стихотворений охватывает текущее реальное время — продленное настоящее, — о чем свидетельствует организация композиции. Точка отсчета времени зафиксирована в предисловии составителя: «Всё началось с сумбурной майданной осени 2013 года, когда в Киеве в очередной раз правил бал хаос, а в здании Главпочтамта в Донецке остановились городские часы...» [Ревякина 2023: 16].

Довоенный период отражен в первой части — ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ (Антология 2023: 20—41). Далее следует часть хронологически расположенных разделов: 2014 ГОД (с. 42—83); 2015 ГОД (с. 84—119); 2016 ГОД (с. 120—147); 2017 ГОД (с. 148—184); 2018 ГОД (с. 185—212); 2019 ГОД (с. 213—247); 2020 ГОД (с. 248—274); 2021 ГОД (с. 275—311); 2022 ГОД (с. 312—370). В Заключительной части (с. 371—423) размещены тексты восьми поэтов-воинов, отражающие «взгляд из окопа или с брони, взгляд из-под каски и через прицел» [Ревякина 2023: 18]. Сверхтекстовое художественное время — «это эстетически освоенное... перцептуальное преломление реаль-

¹ Здесь и далее извлечения из «Антологии 2023» передаются курсивом с указанием страниц в круглых скобках. Сохраняется орфография и пунктуация источника. В поэтических текстах используется буква ё; выбор строчных и заглавных букв определяется авторским замыслом.

ного времени» [Матвеева 1990: 147], вбирающее в себя ужасы непрекращающейся войны. «Лингвистический аспект категории времени» [Дешериева 1975] сочетается с его философским осмыслением.

Лексические сигналы пространства — топонимы, номинирующие города и поселки Донбасса. Пространство, как отмечал Ю. М. Лотман, «дано человеку в форме конкретного его заполнения» [Лотман 1970: 280]. В анализируемом сверхтексте это территории, которые страдают от обстрелов и взрывов, уничтожающих не только жизненно важные объекты, но и жизни мирных граждан. В шахтерских городах ужасают заброшенные шахты и ставшие зловещими *терриконы* (с. 161). Каждый топоним включает метонимическое приращение: «Место, где под обстрелами обитают живые и мертвые», где *убитые приходят и говорят с живыми* (с. 136). Отдельные примеры: *Расстрелянный город Донецк, Макеевки взрывы и стоны* (с. 313); *Сегодня меня схоронили в Луганске* (с. 338); *Мариуполь почти взят* (с. 390); *Мы идём защищать Донбасс* (с. 359). Сила духа дончан, неистребимая надежда на мир всеяют оптимизм: *Но Город жив и вопреки наветам / восстанет, смерть поправ, неопалимый* (с. 107); *есть город, есть Донецк...* (с. 63).

Фактографичность, а также достоверность художественного времени и пространства позволяют охарактеризовать поэзию Донбасса как «литературу свидетельства» [Сухих 2013: 19].

Анализируемый сверхтекст объединен образом коллективного автора — гражданина, защитника независимости Донбасса, отстаивающего право соотечественников на жизнь, — *русского поэта*, который слагает стихи вопреки обстоятельствам: *Нелегко быть русским поэтом / в блиндаже сыром под Дебальцево. / Каноида умолкла, поэтому / что-то пишет озябшими пальцами* (с. 207). *Поэту нужно тишины* (с. 139), а он вынужден прерывать воплощение творческой мысли, потому что *за окнами начинается бой* (с. 242). Поэт призван воспевать прекрасное, а он чувствует себя частичкой выжженной земли: *выжженная земля — / это я, это я* (с. 266). Но стихи всё же выжечь не удастся: *Сама не знаю, как я их пишу, / как будто и дышу, и не дышу / <...> мои стихи, как двери, / в замочной скважине которых диск Луны / и облака донецкие виды* (с. 183). Лирический герой не оставляет надежды на мирное небо, на право оставаться русским поэтом даже после смерти. В траурные рамки заключены имена поэтов Евгения Мосина, Катерины Катинной, Сергея Лысенко.

В центре картины мира коллективного автора — оказавшийся под давлением действующей на Украине «культуры отмены» русский язык [См.: Купина 2022: 87–89].

РОДНОЙ ЯЗЫК И РУССКО-УКРАИНСКИЙ БИЛИНГВИЗМ

Для поэтов Донбасса, проходящих испытание войной, «константой культуры» [Степанов 2001], базовой ценностью был и остается русский язык: *Моё сердце — там, под бомбёжкой, / Моя родина — русский язык* (с. 322). Аксиологическое содержание приведенного высказывания позволяет осмыслить ментальные корни «механизмов языковой самообороны» [Вежбицка 1993] в ситуации официального запрета русского языка. Приведем в сокращении программный текст:

Родная речь

Мой язык кому-то становится
поперёк горла.
Говорить на нем всё равно, что
тереть свёрла
по металлу в кости подязычной
и рядом с небом.
Мой язык поэтический уродлив
для русофоба.
Моя личная фобия — договаривать
всё до точки,

мой язык гениален, выдыхается
углекислым.
Лишний повод расти деревьям,
цветам и травам,
лишний повод закату стать
навсегда кровавым.
Мой язык для кого-то сложен
и неприемлем,
он впитал весь пот, что отдан был
русским землям,
он звучит внутри, как то, что
молчать не может.
Мой язык — пятно несмываемое
на коже (с. 82).

Повтор, включающий притяжательное местоимение, позволяет осмыслить язык всех *русских земель* как дарованный природой, *звучащий внутри*, как органическую часть тела и души. Родной язык обладает неисчерпаемым творческим потенциалом; это проникнутый романтизмом язык мечтателей и поэтов. Охваченный ненавистью русофоб не способен понять и принять русскоязычных, но это не остановит языкового сопротивления русских по духу дончан, не уничтожит поэзию Донбасса.

Сложившаяся на Украине языковая ситуация воспринимается объективно: *Русский язык не доведет до Киева* (с. 29), но под-

держит тех, кто сражается, кто делится своими мыслями и переживаниями с родными и друзьями. *Родная речь* вселяет энергию, надежду, веру в правое дело и собственные силы: <...> *выдержат мощные плечи / нечеловеческий груз; / ...бережно слушают речи / и умирают за Русь* (с. 122). Смысловую переключку *Русь — Россия — Донбасс* скрепляет неразрывная связь глубинной родины и языка, звучащей русской речи.

Знаки культурной идентичности коллективного автора — вербальные прецедентные единицы, отражающие специфику национального мировидения, «актуальные в когнитивном... и эмоциональном плане» [Красных 2002: 58]. На базе прецедентных единиц конструируются «языковые мосты понимания» [Карасик 2019]. Основные источники интертекстуальности: пословицы и поговорки, произведения русской литературы, массовая песня.

Прецедентные тексты — единицы вербального кода отечественной лингвокультуры — используются в готовом и трансформированном вариантах. Поскольку в процессе анализа формальная конкретизация приемов трансформации не осуществляется, представим перечень типичных приемов: лексические замены и вставки; мена грамматических форм; усечение, а также расширение левого или правого контекста; изменение порядка слов; замена отрицательной конструкции положительной.

Народная мудрость — основа освоения аксиологической реальности тревожного времени. Пословицы и поговорки служат средствами создания диалогичности. Каждая из них выступает как «пароль», ожидающий эмоционального отзыва читателя.

Философское восприятие действительности не лишено фатализма: *Ты русская беда, беда-бедница / стоишь вождем под / огненным дождем / и от добра и от беды беды не ищешь* <...> (с. 259).

Паремии способствуют утверждению непреклонности сопротивления, которая объясняется силой национального характера, установкой на преодоление непреодолимого: *Эти умные мальчики с крепким словарным запасом, / что бесстрашно в атаку рвутся всем смертям / всем чертям назло...* (с. 187). Опора на фольклор углубляет обобщенное образное представление о людях, ставших чужими среди своих: *Лишь мёртвые не встанут из могил / в стране, где каждый третий — лишний* (с. 159). «Лишний» чувствует себя самодостаточным, опираясь на афоризм, вошедший в язык из лагерной поэзии: *Для тех, кто вырос на Ру-*

си, / не нужно школы. / Не верь, не бойся, не проси — твои глаголы (с. 38).

Прием, позволяющий зафиксировать охватившие гражданское общество идеологические разногласия, — антонимическое использование пословиц: *у тебя, конечно, ума палата, / У меня — ветер носит, собака лает. / Если я за Россию — рашист и вата. / Если ты за Россию — то так не бывает* (с. 241). Ирония смягчает остроту идеологических, в том числе межличностных, противоречий, а ярлык *рашист*, извлеченный из языка ксенофобов, отторгается ментально.

Русские пословицы и поговорки в смысловой структуре сверхтекста органически сочетаются с извлечениями из произведений поэзии: *Он был на правильном пути. / Он мог дойти до самой сути <...> / Но жить — не поле перейти* (с. 26). Афористические цитаты не заключаются в кавычки. Аксиологическую значимость приобретают «прецедентные онимы» [Нахимова 2011]. Типовое контекстуальное значение номинаций лица (автор-мыслитель, его выдающиеся произведения и выверенная эстетическая позиция) позволяет убедиться в том, что поэт Донбасса следует традициям русской литературы, планомерно уничтожаемой на Украине: <...> *они* (о неонацистах)... *пришли... за словом, стихами Пушкина пришли, / Толстого прозой* (с. 317). Современный поэт сверяет свои творческие обретения с предполагаемой оценкой классиков: *Тютчев одобрит. И Фет поддержит* (с. 131).

Эстетические предпочтения и обобщения объединяют поэзию разных веков: <...> *с белых яблонь дым нам сладок и приятен* (с. 215). Повторимым оказывается эмоционально-психологическое восприятие действительности во времена перемен, внутригражданских столкновений, реалий войны и мира, конфликтов рационального и эмоционального: *Под Донецком степи, степи / белый ветер, чёрный снег* (с. 275); *Вот и не было, девочка, мира, если бы не война* (с. 220).

Включенные в актуальную затекстовую ситуацию цитаты получают смысловую разработку: *Моя печаль светла. / Светла и безначальна. / Для светлости такой / Достаточно белил* (с. 159). Особую значимость приобретает безобразная образность: *Выпьем за победу, да где же кружка, / и, по ходу, нечего наливать...* (с. 31); *а роза упала / на черную лапу азова* (с. 347). Ассоциации, возникающие на базе соотношения предметного смысла приведенных фрагментов стихотворений и смысла хрестоматийных текстов, формируют представления о скудости существования, ударах, подавляющих прекрасное и даже заставляющих

усомниться в вечных истинах: *И снег зевнит, и путь открыт, / о не смотри назад, / туда, где рукопись горит / и вырубают сад* (с. 37). Сегодня на Украине горят не только рукописи, но и книги, изданные на русском языке.

Специально выделим использование в усеченном виде первой строки «Заповіта» Тараса Шевченко на украинском языке. Защитнику Донбасса возможность погребения и ритуал прощания представляются неосуществимыми. Тускнеют ощущаемые великим поэтом краски чарующей природы; рокот Днепра вытесняется грохотом ракет: *Як умру, то поховайте. / Большего не надо. / Спрячьте тело под асфальтом / от дождя и «градов»* (с. 55).

Для живых, раненых и даже мертвых дороги народные песни, гражданская и военная песенная лирика. Отдельные строки, ставшие прецедентными, переосмысливаются дончанами, которых не оставляет ощущение неотвратимости гибели. Как и в песнях периода Великой Отечественной войны, слышны голоса и живых, и мертвых: *Точки поставлены. Границы стёрты. / Живой означает «потенциально мёртвый». / И от тайги до британских морей / я — бездна, которая всех сильнее* (с. 181); *степь да степь кругом, / лесополосы, там овраг, / там курган, там поля... / пожалей меня, моя родина, / хоронили сегодня меня* (с. 203).

Даже ставшие солдатами вчерашние школьники, поклонники рока, погружаются в песенную народную лирику, которая дарит неповторимые эмоционально-эстетические переживания: *Другом верным стал автомат / для безусых седых мальчишек, / о войне знавших лишь из книжек / да из песни «Любэ» — «Комбат». / Степь да степь широка кругом / не видать ни конца ни края, / как прекрасна земля родная, / как мне дорог мой отчий дом* (с. 376).

В отдельных случаях сохраняется ритмо-мелодический рисунок первоисточника, а само стихотворение, отражающее реалии дня и включающее соответствующие номинации, можно пропеть: *Мы ехали споро, / мы мчали на ноль, / мы бережно в скорой везли его боль, / везли его стоны, бинты по виску, / потёртый рюкзак и по дому тоску* <...>. Примечание: *Ноль* — обозначение российско-украинской границы (с. 422).

Проникновенная лирическая тональность объединяет гражданскую поэзию Донбасса и песенную лирику: *Ты не спишь, и солдаты не спят на посту. / Говори с темнотой, говори в темноту. / Снова замерло все до рассвета / (как мне нравится песен-*

ка эта). // Говори в темноту, говори и смотри, / как тревожно мерцают вдали фонари. / Там идет безымянная рота, / словно ищет в потемках кого-то. <...> Я иду к неизвестному краю. / Ничего я на свете не знаю. / Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь. / Одинокая бродит гармонь (с. 245–246).

Отбор, реализация, осмысление прецедентных единиц национального культурного фонда — свидетельство органического вхождения поэтов Донбасса и всех дончан в русскую лингвокультуру. В то же время, защищая родной язык от агрессивной «лингворусофобии» [Сковородников 2016: 188–209], коллективный автор сверхтекста трактует как общенародное достояние русско-украинский билингвизм. Родство языков обеспечивает обратную связь, необходимую в обыденной коммуникации. В сверхтексте репродуцируются украиноязычные реплики: <...> *а я, моторный, поїду додому* (с. 116); *Швидче! Або виходьте!* (с. 129); *Хто бажав створити як краще?* (с. 157); *Та хто ж дитя відпустив на війну?* (с. 293).

Далеко не все носители украинского языка как родного поддерживают русофобскую политику Киева. Ощущающая себя русской дочь и ее мать, коренная украинка, не могут понять и принять этническую и межъязыковую вражду народов. В речи матери привычно соединяются слова двух языков. Украинские высказывания не требуют перевода. Они гармонизируют внутрисемейное общение, поддерживают его традиции:

Надо же было дожить до поры, пока
станешь сед,
думая, что в Украине все такие, как я,
думая, что украинцы — одна семья.
Я не хочу больше знать их.
Только не с ними.
Нет.
Не с палачами.
Не с катами.
Вони мені — не братья!
Пусть как от вишен оскомина,
но повторяю: к кому?
К этим песиголовцам?
Вони же вбивають.
Жгут!

Так говорит моя мама, и речи ее
темны,
словно вишнёвый сок, но боли
не утолят.
Бьётся в падучей родная её земля —
там, где к погостам крестами родичи
пригвождены —
от Приднестровья до Приазовья.
Кров'ю гірчить (с. 102).

«Украина, мать родная», залита кровью. Украинские братья безжалостно убивают братьев русских, которые сражаются за русский язык, но не забывают язык украинский, ставший вторым родным. Об этом свидетельствуют украинизмы, используемые по типу вкрапления: *Боже, выходи на шлях, / помоги нам* (с. 53); *Весело вам, вольно́ вам, кобза́ с окаринною? / Что же вы, братцы, сделали с Украиною?* (с. 103); *Этот страх с малых лет знаю. / Книжка та на мове — от мамы* (с. 156); *Зачекай, не лякай дитину* (там же); *Я их спрашиваю — читали Фадеева, чи не?* (с. 176); *И сердце мое разрывается на шматки, / Как донецкое сало* (с. 219); *Нам бы с тобою сейчас пару цинков, полпачки «вогов» — / провели бы день, выкуривая ворогов из чертогов* (с. 370); *глядим в ночник, гутарим понемногу* (с. 375). Неистребима потребность поговорить, *погутóрити* [См.: Русско-украинский словарь. 1968. Т. 2: 491]. Двухязычие способствует достижению положительного коммуникативного результата. Именно поэтому типичной в межличностном общении является «установка достичь взаимопонимания» с помощью «переключения кодов» [Карасик 2022: 361; 383].

Политика вытеснения из культурного пространства Украины одного из родственных языков, лишение его статуса официального, запрет на использование русского языка как средства обыденного общения — всё это вызывает справедливый протест тех, кто дорожит русским словом.

СИЛА ЖИВОГО СЛОВА

Поэты Донбасса отстаивают ценность русского слова. Они готовы отдать за него жизнь:

Мы снова солдаты.
Мы стали другими.
И ради победы
Мы к смерти готовы!
За правое дело.

За русское слово (с. 404).

Защитник русского языка мечтает о том, чтоб *не сгорело всё дотла — и слово, и любовь* (с. 37), и любовь к слову. Он наблюдает, как страх утраты крыши над головой, благополучия, гибель детей, близких лишают людей физической способности и потребности говорить: *Что ни дом, то короб пустой, / что ни слово, то сух язык* (с. 81); *Моя мама, ни слова не говоря, / унимает дрожь* (с. 184); *И слова застревают в мозгу / как осколки от реактивного снаряда* (с. 332); *Километр до линии, / этой самой линии / но о ней — ни слова* (с. 300); *Убитая горем мать возле третьего сына за год / хочет*

молиться, да слов не найдёт (с. 232). Лишними нередко кажутся утешения со стороны: *Не надо слов! Мне легче без...* (с. 414); *Ждём тепла (такие дела), / и не ждём прощального слова* (с. 269).

И всё же слово лечит, заставляет смотреть правде в глаза, вселяет доверие к тем, кто рядом, веру в собственные силы, позволяет оставаться оптимистом: *Снять напряжение нерва / можно правдивым словом* (с. 255); *Развяжи мои губы словом, / я парю над изрытым полем, <...> я привык уже умирать* (с. 118); *Вот уже три года кругом голова; / надо для похода подобрать слова* (с. 303). Именно слово сближает, укрепляет братство взводово, позволяет шутить, когда всё *капустово, кирдыково, каюково* (с. 421).

Для поэта важно найти *самое главное слово* (с. 113). «Слово о словах» в сверткесте — это *Лирико-философские миниатюры* (с. 383), заставляющие читателя поверить в то, что не всё потеряно. В дни, когда *слово «воздух» дышать не давало / погребённым под домом живьём* (с. 168), *в чёрном слове «война» / появился застенчивый луч* (с. 117), а *взлетающее птицей слово* (с. 82) устремилось в чистое небо. Оно очищает и согревает сердца, дарит надежду на любовь, радость, доверие, на возможность наслаждаться прекрасным: *А в Донецке цветет магнолия. / <...> Нет здесь слова «месть»* (с. 349). Певец вечно прекрасной природы, *плетуший узор слов* (с. 200), уверен: в годы войны *слово «весна» почти не имеет веса, / но оно согревает... / приглашает к полету, зовет воскреснуть* (с. 131). В этой связи следует отметить мобилизационную и когнитивную функции ставшего прецедентным победного восклицания Юрия Гагарина: *Каждый апрель на границе земли и неба / повисает, едва лишь касаясь нёба, / уверенное и легкое, / уверенное и вёрткое, / слово твоё «Поехали»* (с. 43). Концептуализируются единицы аксиологического лексикона, на основе которых формируется обобщенный образ защитника Донбасса: *Бойцы, для которых есть слово «честь», / понятие Родины, долга* (с. 193).

Миновало время тишины и безмятежных размышлений над прочитанным — *то позабытое время всех тех книжек, / книжек, в которых было легко и просто / жить в потаённых смыслах, в словах неслышных, / в этих значениях, в общем-то переносных...* (с. 283). Сегодня **Слово**, сражаясь вместе с бойцами, **наотмашь бьёт** (с. 111). *Гибнущие за правду верят в действенность и нетленность слова, мысленно обращаются к*

нему: *слово, живи за меня; слово, кричи за меня; слово, горчи за меня; слово, сверхни за меня; слово «люблю», завтра / ты живи за меня* (с. 204).

Языковая действительность пестрит *пустыми, полыми, облыжными, громкими* словами: *О сколько громких слов и праведного пыла / ушло напрасно и уйдет опять!* (с. 340). Словесный мусор, однако, никогда не победит *живых, искренних, острых, правдивых* слов, за сохранение которых сражаются защитники Донбасса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный категориально-текстовый, лингвосмысловый и лингвоаксиологический анализ современной поэзии Донбасса позволяет сделать вывод о том, что в дальнейшем она должна стать специальным «объектом политической лингвистики без маски» [Чудинов 2006: 28]. Военная ситуация на Украине, сопровождающаяся государственной политикой отмены русского языка и культуры, вызывает решительное лингвоидеологическое сопротивление русскоязычных граждан. Формы и механизмы сопротивления нашли достоверное отражение в исследованном сверхтексте. Выбор поэтов Донбасса — защита юридического статуса русского языка при сохранении исторически сложившегося билингвизма.

Поэтические лингвофилософские миниатюры углубляют сложившиеся в науке представления о функциях языка и отдельного слова в ситуации внутригражданского противоборства. Особо следует отметить отсутствие в сверхтексте новомодных иностранных заимствований, свидетельствующее о продуктивности не декларируемой специально идеи самодостаточности русского языка.

ИСТОЧНИКИ

1. Антология 2023 Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. / составитель Ревякина Анна. — Санкт-Петербург : Питер, 2023. — 432 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вежбицка, А. Тоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 107–125.

2. Дешериева, Т. И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспекту / Т. И. Дешериева. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1975. — № 2. — С. 111–117.

3. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. — Москва : Дискурс, 2019. — 524 с. — Текст : непосредственный.

4. Карасик, В. И. Языковая лестница познания / В. И. Карасик. — Москва : Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2022. — 462 с. — Текст : непосредственный.

5. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — Текст : непосредственный.

6. Купина, Н. А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 82–90.

7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с. — Текст : непосредственный.

8. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 172 с. — Текст : непосредственный.

9. Нахимова, Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных омонимов в современной российской массовой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : [б. и.], 2011. — 44 с. — Текст : непосредственный.

10. Ревякина, А. Донбасский собор, или Попытка предисловия / А. Ревякина. — Текст : непосредственный // Антология 2023. — С. 16–18.

11. Русско-украинский словарь. В 3 т. Т. 2. — Киев : Наукова думка, 1968. — 756 с. — Текст : непосредственный.

12. Сковородников, А. П. О ключевых словах русского менталитета / А. П. Сковородников. — Текст : непосредственный // Светлица. — 1993. — № 1. — С. 270–275.

13. Сковородников, А. П. Экология русского языка : моногр. / А. П. Сковородников. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. — 388 с. — Текст : непосредственный.

14. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2001. — 990 с. — Текст : непосредственный.

15. Сухих, И. Н. Русский канон: книги 20 века / И. Н. Сухих. — Москва : Время, 2013. — 794 с. — Текст : непосредственный.

16. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивная парадигма в современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2 (41). — С. 142–145.

17. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Revjakina, A. (Ed.) (2023). *Velikij Blokpost. Antologija donbasskoj poezii 2014–2022 gg.* [The Great Checkpoint. Anthology of 2014–2022 Donbass poetry]. Saint Petersburg: Piter, 432 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (1993). Totalitarnyj yazyk v Pol'she: mekhanizmy jazykovoj samooborony [Antitotalitarian Language in Poland: The Language of Self-Defense Mechanisms]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 107–125. (In Russ.)

2. Desherieva, T.I. (1975). Lingvisticheskiy aspekt kategorii vremeni v ego otnoshenii k fizicheskomu i filosofskomu aspektu [The Linguistic Aspect of the Category of Time in Its Relation to the Physical and Philosophical Aspect]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 111–117. (In Russ.)

3. Karasik, V.I. *Jazykovye mosty ponimaniya* [Language Bridges of Understanding]. Moscow: Diskurs, 524 p. (In Russ.)

4. Karasik, V.I. *Jazykovaja lestnica poznaniya* [Language Ladder of Cognition]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 462 p. (In Russ.)

5. Krasnyh, V.V. (2002). *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologija* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: Gnozis, 284 p. (In Russ.)
6. Kupina, N.A. (2022). Otmena russoj kul'tury: ideologičeskij mahovik v dejstvii [Russian Culture Abolition: The Ideological Flywheel in Action]. *Political Linguistics*, 5(95), 82–90. (In Russ.)
7. Lotman, Ju.M. (1970). *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Fiction Text]. Moscow: Iskustvo, 384 p. (In Russ.)
8. Matveeva, T.V. (1990). *Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij* [Functional Styles in the Aspect of Text Categories]. Sverdlovsk: Ural University Press, 172 p. (In Russ.)
9. Nahimova, E.A. (2011). *Teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovanija precedentnyh omonimov v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii* [Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Research of Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication] [Abstract of Dis. of Dr. of Philol. Sciences]. Ekaterinburg. (In Russ.)
10. Revjakina, A. (2023). Donbasskij sobor, ili Popytka pre-dislovija [The Donbass Collection, or An Attempt of a Preface]. In *Velikij Blokpost. Antologija donbasskoj poezii 2014–2022 gg.* (pp. 16–18). (In Russ.)
11. *Russko-ukrainskij slovar'* [Russian-Ukrainian Dictionary] (1968) : in 3 vols. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka, 756 p. (In Russ.)
12. Skovorodnikov, A.P. (1993). O ključevykh sloвах russkogo mentaliteta [On the Keywords of the Russian Mentality]. *Svetlica*, 1, 270–275. (In Russ.)
13. Skovorodnikov, A.P. (2016). *Ekologija russkogo jazyka* [Ecology of the Russian Language]. Krasnojarsk: Siberian Federal University, 388 p. (In Russ.)
14. Stepanov, Ju.S. (2001). *Konstanty: Slovar' russoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij proekt, 990 p. (In Russ.)
15. Suhin, I.N. (2013). *Russkij kanon: knigi 20 veka* [The Russian Canon: Books of the 20th Century]. Moscow: Vremja, 794 p. (In Russ.)
16. Chudinov, A.P. (2020). Kognitivno-diskursivnaja paradigma v sovremennoj političeskoj metaforologii [Cognitive-Discursive Paradigm in Modern Political Metaphorology]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 2(41), 141–144. (In Russ.)
17. Chudinov, A.P. (2006). *Političeskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)